

После того как они заключили свой «уговор из трёх пунктов», потянулись будни. Шэнь Цинчжоу на удивление быстро привык делить кров с Лочэнем. Более того, простые домашние хлопоты начали приносить ему искреннее удовольствие.

Лочэнь не возражал, а сам Шэнь Цинчжоу даже не помышлял о том, чтобы нанять слугу. Раз уж он твёрдо решил вкусить простой мирской жизни со всеми её заботами, то и к повседневной рутине — покупке припасов, растопке очага, уборке и стирке — относился как к особому виду духовного делания, умиряющего разум.

В Долине Сяоя стирка и прочие бытовые мелочи входили в обязанности каждого послушника. Однако Шэнь Цинчжоу попал в школу совсем ребёнком, и большую часть этих мелких забот взял на себя его первый старший брат, Сун Сяо.

Позже, когда на плечи Сун Сяо легло управление делами школы, выкраивать время на заботу о младшем ученике стало труднее. Семья Шэнь, тревожась за своего любимца, не поскупилась на щедрое подношение и пристроила в Долину Сяоя двух слуг. Те исправно ухаживали за молодым господином несколько лет — вплоть до того рокового дня, когда вскрылось предательство владыки Дворца Лазурного нефрита, Шангуань Чэня. После этой трагедии Шэнь Цинчжоу затворился от мира, наотрез отказавшись от любого общества, и прислугу отослал назад.

Теперь же этот изнеженный молодой господин из школы Сяоя, прежде не утруждавший себя даже мелкой уборкой, не просто стирал собственные вещи. В первые дни, пока израненный Лочэнь едва двигался и не мог мочить повязки, Шэнь Цинчжоу без лишних слов забирал у него грязное бельё и усердно, пусть и неумело, полоскал его в тазу.

Лочэнь, обделённый боевыми искусствами да ещё и скованный ранами, угнаться за соседом не мог при всём желании. Ему оставалось лишь обречённо наблюдать за его кипучей деятельностью. Пожалуй, к лучшему, что немой юноша не мог говорить. Любой опытный хозяин, завидев, как Шэнь Цинчжоу с метлой наперевес исполняет акробатические трюки под самым потолком или неистово хлещет мокрой тряпкой по мебели, точно не сдержал бы яростного крика.

Единственное, что никак не давалось Шэнь Цинчжоу, — это кулинарное искусство. Стоило принести с рынка свежее мясо и овощи, как его роль сводилась к самой простой работе: раздуть угли да подбросить в очаг дров.

Поначалу он рвался к плитарным делам с великим воодушевлением, но в первый раз сварил полусырой, хрустящий на зубах рис, а во второй, опасаясь недожарить мясо, превратил его в подобие твёрдой подошвы. Лочэнь безропотно съел всё до последней крошки, а вот сам Шэнь Цинчжоу, едва попробовав собственное творение, предпочёл остаться голодным и больше к палочкам не прикоснулся.

После этого Лочэнь самым решительным образом пресёк любые кулинарные поползновения своего спасителя.

Бережливый по натуре, Лочэнь просто не мог равнодушно смотреть на порчу продуктов. К тому же стряпня Шэнь Цинчжоу оказалась настолько отвратной, что даже из безграничной признательности хвалить её было бы выше всяких сил.

В итоге они разделили обязанности: Шэнь Цинчжоу следил за огнём и варил целебные снадобья, а Лочэнь кашеварил.

К огромному удивлению Шэнь Цинчжоу, его молчаливый спутник оказался непревзойдённым кулинаром. Рис у него выходил рассыпчатым и ароматным, а простые домашние яства по вкусу едва ли уступали угощениям из лучших трактиров города.

Как-то раз, когда Шэнь Цинчжоу отправился на пристань за свежей рыбой, к нему подошёл один из видных представителей Банды нищих. Он поведал, что маленькая гроза улиц Ян Яньянь и молодой мечник из школы Хуашань, Сяо Янся, с ног сбились в его поисках. Только тогда он вспомнил, что после памятной встречи в «Башне Красного и Зеленого» совершенно позабыл об этих двоих. А они ведь места себе не находили от беспокойства.

Тронутый такой заботой, Шэнь Цинчжоу продиктовал нищему адрес их нового жилища. Тот всё запомнил и поспешил откланяться.

Шэнь Цинчжоу не придавал этой встрече особого значения и дома даже не упомянул о ней в разговоре с Лочэнем. Каково же было его удивление, когда ближе к вечеру на пороге объявились Сяо Янся и Ян Яньянь с целой охапкой гостинцев: в руках они держали ароматную жареную курицу, вяленую утку и два кувшина доброго вина.

Незванные гости застали хозяина врасплох, но выставлять за дверь людей, пришедших с миром и ломящимися от яств руками, было бы верхом невоспитанности. Шэнь Цинчжоу позвал Лочэня и представил его визитёрам как своего близкого друга.

Ян Яньянь, будучи дочерью одного из вожаков Банды нищих, сама на паперти не стояла, но с малых лет видела немало обездоленных и калек, чьи тела были изуродованы болезнями и нуждой. И пускай её немного удивляло, что изысканный Шэнь Цинчжоу водит дружбу с таким неказистым человеком, в её сердце не было ни капли брезгливости. Узнав, что Лочэнь нем, она без тени смущения принялась объясняться с ним на языке жестов, которому её обучил старейшина Бай.

Сяо Янся держался совсем иначе. Он был без памяти влюблён в Яньянь, однако спесь выходца из именитой школы меча частенько брала в нём верх. Услышав, что Шэнь Цинчжоу называет своим другом этого уродливого немого бродягу, Сяо Янся принялся бесцеремонно разглядывать Лочэня. На его лице то и дело проскальзывало выражение глубокого недоумения, он невольно хмурился и презрительно кривил губы.

Шэнь Цинчжоу заметил эти косые взгляды, и в груди его шевельнулось глухое раздражение. За ужином, когда Ян Яньянь, уплетая стряпню Лочэня за обе щёки, вовсю расхваливала хозяина и грозилась заглядывать на огонёк почаще, он решил воспользоваться моментом. С

улыбкой посмотрев на девушку, Шэнь Цинчжоу проговорил:

— Ласточка-тиран, лучше тебе сюда больше не приходить. А то наберёшься от нас, неотёсанных бродяг, грязи, ещё и судьбу свою девичью испортишь.

Яньянь на миг растерялась. Упоминание о замужестве заставило её зардеться, однако, будучи истинной дочерью цзянху, она быстро справилась со смущением и прямо спросила:

— Братец Шэнь, к чему ты клонишь?

— Да твой ненаглядный суженый, кажется, брезгует нашей компанией. Не так ли, брат Сяо? — Шэнь Цинчжоу перевёл насмешливый взгляд на юношу.

Поскольку Шэнь Цинчжоу был старше, это деланно-почтительное обращение едва не заставило Сяо Янся поперхнуться куском утки. Густая краска залила его лицо. Он беспомощно уставился на хозяина дома, приоткрыв рот от изумления, а тот лишь загадочно и благожелательно улыбался в ответ.

— Брезгует? — мигом смекнула Яньянь. Она нахмурилась, и её взгляд, устремлённый на спутника, стал ледяным. — Что, господин мечник из школы Хуашань, раз уж тебе не по душе мои названные братья Шэнь и Ло, значит, и на меня, дочку простого нищего, ты смотришь свысока?

— Да что ты, вовсе нет! Как я мог! — взмолился побледневший Сяо Янся. Про себя он уже проклинал свою спесь: дёрнул же чёрт показать характер! Мало того что он разворошил осиное гнездо в лице Шэнь Цинчжоу, так ещё и разгневал свою ненаглядную Ласточку-тирана.

— Разве нет, брат Сяо? — вкрадчиво протянул Шэнь Цинчжоу. — Запомни: я сам почитаю Лочэня за старшего брата. Стало быть, презирая его, ты выказываешь неуважение и мне. Коли так, наши пути расходятся, и каждому суждена своя дорога. А на вашу с Яньянь свадьбу я, уж прости, не приду. Эх...

Эти слова подлили масла в огонь — Яньянь вспыхнула пуще прежнего. Сяо Янся замялся, пытаясь выдать хоть какое-то оправдание, но язык его словно прирос к гортани. Поняв, что спорить бесполезно, он в отчаянии повернулся к Лочэню, надеясь вымолить прощение у него. Однако немой юноша уже спокойно наливал себе вина. Подняв чарку, он приветливо протянул её в сторону молодого мечника.

Шэнь Цинчжоу тут же перехватил его руку и недовольно буркнул:

— Тебе нельзя. Раны ещё не затянулись, лекарь строго-настрого велел хмельного в рот не брать.

За столом сидели четверо, и у троих в чарках искрилось вино, тогда как Лочэню до этого момента наливали лишь простую воду. Не обращая внимания на ворчание друга, он осушил свою чашку с водой, наполнил её до краёв крепким вином и обеими руками уважительно приподнял её, салютуя Сяо Янся.

В ответ на предостережения Лочэнь лишь мягко улыбнулся и посмотрел на Шэнь Цинчжоу обезоруживающе тёплым взглядом. Тот лишь вздохнул и неохотно убрал руку, решив посмотреть, как поведёт себя гость.

Сяо Янся не был глупцом. Он мгновенно понял, что этот немой парень не просто предлагает мировую, но и великодушно спасает его от позора перед любимой. До глубины души тронутый этим жестом, он порывисто поднялся со своего места, бережно сжал чарку обеими руками и взволнованно произнёс:

— Брат Ло! Позволь выпить за твоё здоровье!

С этими словами он запрокинул голову и одним махом осушил кубок.

Лочэнь одобрительно кивнул и тоже выпил своё вино до капли.

Когда Лочэнь опустился на стул, покрасневшийся Сяо Янся смущённо обратился к хозяину:

— Ну что, брат Шэнь, теперь-то ты веришь, что у меня и в мыслях не было выказывать вам пренебрежение?

— Ну ладно, ладно, — рассмеялся Шэнь Цинчжоу. Подхватив кувшин, он щедро плеснул гостю ещё вина. — Раз уж ты назвал его братом, так и быть. За это я сам осушу три чарки в твою честь, младший брат Сяо!

После обильного ужина, когда за окнами сгустились сумерки, гости засобирались домой. Шэнь Цинчжоу проводил их до ворот и, улучив минутку, отвёл Сяо Янся в сторону. К сожалению, расспросы ничего не дали: от эскортного агентства не было вестей, да и о местонахождении господина Цзиня никто ничего не слышал. Напоследок Шэнь Цинчжоу строго наказал юноше немедленно разыскать его, если тот что-нибудь разузнает о Цзинь Чэнцзи. Мечник, разумеется, горячо пообещал держать ухо востро.

Проводив приятелей, хозяева прибрали со стола посуду и вернулись в комнату. Шэнь Цинчжоу уселся на лавку и с лёгкой досадой проворчал:

— Эх ты! Я ведь просто хотел проучить этого спесивого юнца, а ты взял и всё испортил. Зачем было спасать его от позора?

Лочэнь лишь вздохнул. Он быстро задвигал пальцами в воздухе, а затем, словно боясь, что

собеседник не уловит мысль, шагнул ближе и беззвучно, одними губами, произнёс старую мудрость:

«Умей прощать тех, кто оступился»

— Да с какой стати мне его жалеть? — фыркнул Шэнь Цинчжоу. — Если бы он не кривил физиономию при виде тебя, я бы и слова не сказал. Повезло дураку, что он не успел натворить глупостей при девчонке. Иначе я бы устроил ему такое представление перед его зазновой, что он до конца дней глаз поднять не посмел бы.

Шэнь Цинчжоу ожидал, что этот добряк примется безмолвно спорить или, что более вероятно, просто уйдёт от разговора. Но Лочэнь лишь внимательно выслушал его гневную тираду. Какое-то время он стоял неподвижно, а затем очень медленно, стараясь чётко выговаривать каждый слог одними губами, беззвучно произнёс:

«Спа-си-бо»

— Ну... чего уж там, — Шэнь Цинчжоу осёкся. Весь его боевой задор испарился, словно железный кулак угодил в охапку мягкого хлопка. Он растерялся, чувствуя, как к щекам приливает жар, а всё его хвалёное красноречие куда-то улетучилось. Он поглядел на Лочэня, который преданно и тепло смотрел на него. Несколько мгновений они молча созерцали друг друга, а затем одновременно улыбнулись.

— Пустяки, не стоит благодарности, — уже гораздо мягче проговорил Шэнь Цинчжоу. — Я мало кого подпускаю к себе близко, но раз уж назвал тебя другом, то спуска никому не дам. Обидеть тебя — всё равно что плюнуть мне в лицо.

Лочэнь быстро задвигал руками, объясняя что-то на своём безмолвном языке. Шэнь Цинчжоу уловил смысл его жестов и покачал головой. В его глазах снова заплясали лукавые искорки. Смерив Лочэня шутливым взглядом, он с притворной серьёзностью протянул:

— И кто только нашептал тебе глупости, будто мы не пара? По мне, так мы на редкость ладно подходим друг другу. Ростом одинаковы, сложением... ну, ты, положим, пошире в плечах будешь. Зато кое в чём другом мы уж точно равны, а?

С этими словами он бесстыдно и весело покосился пониже пояса собеседника. Лочэнь мгновенно сообразил, куда клонит этот негодник. Онемев от такой наглости, он, недолго думая, от души ткнул шутника кулаком в бок.

Удар вышел несильным, но Лочэнь сам испугался своей дерзости и замер, уставившись на Шэнь Цинчжоу округлившимися глазами. А тот картинно согнулся пополам, прижал ладони к животу и деланно застонал:

— Ох... И после этого ты твердишь, что мы не ровня? Ишь как дерёшься!

<http://bllate.org/book/19915/2041463>